

Т. А. ИЗМАЙЛОВА

**К ВОПРОСУ ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУКОПИСИ ГРЕЧ. 210
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

В 1965 г. в Государственный Эрмитаж из Областного краеведческого музея г. Смоленска В. П. Чихачевым были присланы с целью консультации четыре фотографии двух иллюстрированных листов (recto и verso) размером $19,5 \times 15,5$; $19,9 \times 16$, с канонами согласия неизвестной греческой рукописи. Специфические особенности несколько необычного для византийских кодексов тяжеловесного обрамления канонов, сетка, на пересечении линий перехваченная звездочками, капители в виде обращенной вниз усеченной пирамиды, дерева с плодами граната на нижней, а иногда и на верхней полке напомнили убранство канонов четвероевангелия греч. 210, хранящегося в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

Это прекрасное четвероевангелие, хорошей сохранности, содержит в настоящее время следующие иллюстрации размером $19,9 \times 16$: четыре миниатюры с изображениями евангелистов (лл. 5 v, 92 v, 146 v, 232 v), четыре заглавных листа к евангелиям (лл. 6 г, 93 г, 147 г, 233 г), художественно оформленный пролог (рис. 1) * в фигурных рамках (л. 1 г, 1 v) и два листа с тремя канонами согласия: на л. 2 г — первый канон, на л. 2 v — начало второго и на л. 3 г — десятый канон. Рукопись поступила в ГПБ в 1882 г. из частного собрания Николаидиса уже с недостающими листами, которые и обнаружались в Смоленском музее. По сведениям, полученным от В. П. Чихачева, они были впервые опубликованы в каталоге историко-этнографического музея княгини М. К. Тенишевой, изданном в 1909 г., что и определяет их принадлежность. Те же листы упоминаются А. П. Бугаевой, которая также указывает, что листы поступили из Тенишевского музея¹.

Чтобы доказать принадлежность листов Смоленского музея рукописи греч. 210, сравним их с сохранившимися в ней двумя листами канонов согласия: лист второй recto греч. 210, рис. 2, где вписан первый канон (Mt; Mk; Lk; I), не имеет пары. Verso того же листа (греч. 210, рис. 3), на котором помещен второй канон (Mt; Mk; Lk), составляет, несомненно, одинаковую по своему художественному оформлению пару с recto первого листа Смоленского музея (рис. 4), где продолжается тот же второй канон. Verso первого смоленского листа (рис. 5) [с помещен-

¹ А. П. Бугаева. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 424.

* Рисунки к статьям см. в конце тома.

ным на нем третьим (Мт; Лк; И) и четвертым (Мт; Мк; И) канонами] и recto второго (рис. 6) [с пятым (Мт; Лк) и шестым канонами (Мт; Мк)] образуют следующую, также декоративно одинаково оформленную пару. Verso второго смоленского листа содержит седьмой, восьмой и девятый (Мт; И; Лк; Мк; Лк, И) каноны (рис. 7), тогда как на recto второго листа рукописи греч. 210 помещен десятый канон. Эти парные листы имеют некоторые отличия в орнаментальных композициях верхней части.

Итак, в идентичных по своему убранству к рукописи греч. 210 листах Смоленского музея вписаны каноны со второго по девятый. Они целиком восполняют первую тетрадь кодекса греч. 210, где сохранились первый, начало второго и десятый канон. Этим и подтверждается принадлежность листов смоленского музея кодексу ГПБ.

Кодекс датируется различно. О. П. Бугаева относит его предположительно к VII в.² Г. Грегори — к IX — X вв.³ К. Трой — к X — XI вв.⁴ При поступлении в ГПБ рукопись была датирована XIII в.⁵ Из всех этих датировок следует безусловно отвергнуть VII — VIII вв. Украшение верхней части канонов прямоугольной рамкой с вписанной в нее полукруглой аркой и господствующий в декоре цветочный орнамент не позволяют датировать убранство рукописи временем ранее X — XI вв., хотя в канонах кодекса и их убранстве действительно есть ряд архаических черт — столь специфических, что они требуют особого рассмотрения, к которому мы и переходим.

Т а б л и ц а 1

	1	2	3	4
Ленинград, ГПБ греч. 210	I I	II II	II II	III IV
Иерусалим, Арм. 2555	I I	II II	II II	III IV

	5	6	7
Ленинград, ГПБ греч. 210	V V VI VI	VII VIII IX	X X X X Мт2 Мк1 Лк2 И3
Матенадаран, арм. 2374 (Эчмиадз. ев.)	V V VI VI	VII VIII IX X Мт1	X X X X Мт1 Лк2 Мк1 И3

Каноны с I по X расположены на семи таблицах (три сохранились в самом кодексе — ГПБ, греч. 210, четыре — на листах смоленского музея), что по К. Норденфальку соответствует малой греческой серии, принятой в ограниченном количестве византийских кодексов, не выходящих за пределы X в.⁶

² О. П. Бугаева. Указ. соч., стр. 424.

³ Textkritik des Neuen Testamentes von Gaspar René Gregory, III. Leipzig, 1909, e-2142, S. 1196.

⁴ Die griechischen Handschriften des Neuen Testamentes in der UdSSR. Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan. Kurt Treu, S. 19 (Каталог готовится к изданию).

⁵ Отчет Публичной Библиотеки за 1882 г. СПб., 1884, стр. 13, 16, 17.

⁶ C. Nordenfalk. Die Spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938. Textband, Beilage A. Paris, gr. 70-X v; Paris Coislin 20-X v; Wien theol. gr. 240-Xv; Berlin, Hamm. 246-IX v; London, Add. 5111-VII v.

Вместе с тем в распределении канонов на таблицах рукопись греч. 210 отклоняется от этой серии и более близка к серии на восьми таблицах, широко представленной в армянских евангелиях уже с XI в. и отличающейся от серии в семь таблиц только тем, что второй канон расположен не на одной, а на двух таблицах. Это имеет место и в рукописи греч. 210, что приводит в ней к некоторой уплотненности последующих канонов, помещенных не на восьми, а на семи таблицах.

Полной аналогией в распределении канонов рукописи греч. 210 с I по IV является армянское евангелие начала XI в. (Иерусалим, 2555), где принята серия из восьми таблиц. С V—X распределение канонов приближается к армянскому же, Эчмиадзинскому евангелию (Матенадаран, № 2734), где принята серия в семь таблиц⁷ (см. табл. I).

Следовательно, в рукописи греч. 210 представлен какой-то переходный вариант, приближающийся к нормам армянских кодексов, которые, по мнению К. Норденфалька, наиболее точно сохраняют первоначальный прототип, созданный еще Евсевием. Напомним, что в греческой серии из восьми таблиц распределение канонов совершенно отлично. Известно также, что с середины X в. в некоторых константинопольских рукописях вводится большая греческая серия из десяти таблиц⁸⁻⁹, получившая в Византии широкое распространение.

К архаизирующим чертам следует отнести и то, что в большинстве случаев парные хораны имеют одинаковое декоративное оформление. Быть может, с ранней традицией, сложившейся в периферийных областях Византии, следует связать редко встречающийся вариант сетки, на скрещении линий перехваченной звездочками. Эта черта находит близкую аналогию в греческом кодексе IX в. (?) (Берлин, Прусская библиотека, Hamn, 246), происходящем, согласно К. Норденфальку, из Малой Азии¹⁰. К. Вайтцман сближает эту рукопись с евангелием Патмос. код. 70, которому склонен приписать каппадокийское происхождение¹¹, т. е. придерживается примерно того же мнения, что и К. Норденфальк.

На эту территорию, быть может, указывают и необычные для столичных греческих рукописей плетеные крестообразные фигуры, заполняющие внизу свободные клетки таблицы первого канона (греч. 210, л. 2 г, рис. 2). Близкую аналогию к ним находим в малоазийских армянских кодексах X в. Характерна и плетенка на л. 3 в, хотя и проникающая в византийские рукописи, но особенно часто встречающаяся в сирийских кодексах VIII—XIII вв.¹²

Фигурная рамка пролога (рис. 1), в различных вариантах широко известная в византийских кодексах, по особенностям своей внутренней конфигурации находит довольно близкую аналогию, например, в рукописи 941 г. (Патмос, код. 33)¹³, написанной в Калабрии.

В целом же в убранстве кодекса греч. 210 сказывается стремление мастера приблизиться и к довольно ранним столичным образцам. На это указывает структурное оформление канонов, в убранстве которых господствует цветочный орнамент, исполненный на золотом фоне, и изображения евангелистов (рис. 8), представленных в образе философов-мудрецов, а не писцов (тип последних широко распространен в византийской миниатюрной живописи с XI в.). Тем самым они близки к ранне-

⁷ C. Nordenfalk. Textband, Beilage A.

⁸⁻⁹ Ibid., Textband, S. 58.

¹⁰ Ibid., Tafelband, Taf. 6.

¹¹ K. Weitzmann. Die Byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 68 (автор, впрочем, не считает возможным точно установить, в Каппадокии либо в близком или далеком ее окружении была написана эта рукопись).

¹² A. Franz. Byzantine Illuminated Ornament. A Study in Chronology. — «The Art Bulletin», 16, 1934, pl. V—12.

¹³ K. Weitzmann. Op. cit., Taf. LXXXIX-560, S. 82.

му варианту серии евангелистов, принятых в лучших византийских рукописях X в. Это сказывается и в монументализме фигур, массивных, стоящих на полу подставках, лежащих на крупных пюпитрах больших по своим размерам евангельских книгах (у ев. Луки — свиток). Заметим, что после X в. подставка изображается обычно стоящей на аналое, ножка ее укорачивается, размеры пюпитра уменьшаются. К миниатюрам греческих евангелий X в. приближается и тип сидения с лежащей на нем подушкой и даже такие детали, как чернильница и циркуль на столике.

В качестве примера, обнаруживающего сходство этих иконографических черт в миниатюрах X в., сошлемся на портреты евангелистов Матфея и Иоанна из кодекса № 56 Афинской Национальной библиотеки¹⁴, так же как в ев. греч. 210 изображенных на золотом фоне без архитектурного обрамления.

Нельзя не заметить вместе с тем полного стилистического расхождения иллюстраций этих двух рукописей и трансформации художественного образа в греч. 210. Фигуры евангелистов в этом кодексе хотя и монументальны, но крайне непропорциональны, движения связаны, неумело переданы ракурсы. Расположение одежд, особенно у Иоанна, позволяет мастеру отказаться от передачи форм человеческого тела. Гиматий, полностью окутывающий его фигуру, оставляет внизу лишь крупные складки хитона, напоминающие их трактовку в миниатюрах X в.

Возможно, что максимум усилий мастер сосредоточил на характеристике ликов, придав им известную пластичность и сохранив глубоко врезуемые морщины и высветления, перекликающиеся с манерой художника Афинского кодекса № 56. Несмотря на это, лики евангелистов рукописи греч. 210 утрачивают присущее их прототипам благородство и глубокую внутреннюю сосредоточенность, становясь более простыми и бесхитростными. В целом же в миниатюрах этого кодекса сказывается явная тенденция к плоскостности и усилению условности. Это видно в трактовке пюпитра с лежащей на нем книгой и особенно в передаче столика (рис. 8), утратившего свои первоначальные размеры (но не форму), которому придан теперь киворий и не вполне ясно к чему относящаяся треугольная ножка. Поперечная перекладина сиденья приобретает характер орнаментальной полосы. Все это не позволяет приписать иллюстрации рукописи греч. 210 столичного происхождения и датировать ее X в.

Провинциализм ее убранства подтверждают и заставки, П-образная форма которых, широко распространенная в византийских кодексах, приобретает здесь своеобразные черты. Особенно следует отметить полочки-бордюры, связывающие между собой нижние концы заставок, что никогда не встречается в столичных рукописях (рис. 9).

Интересны в связи с этим не часто встречающиеся в греческих рукописях маленькие буквы-репрезентанты (на которые мне указала Е. Э. Гранстрем) около инициала заглавных листов. Едва ли они служили только для облегчения труда художника. Неправильные огласовки в слове *εὐαγγέλιον* в заглавиях к евангелиям от Матфея и от Иоанна¹⁵ позволяют предположить, что мастер, иллюстрировавший рукопись греч. 210, был не искусен в греческом письме.

Резюмируем наше сообщение: листы Смоленского музея дают возмож-

¹⁴ K. Weitzmann. Op. cit., Taf. XXVII, Abb. 151, 152 (евангелисты Матфей и Марк); H. Willoughby. Codex 2400 and its Miniatures. — «The Art Bulletin», March 1933, Fig. 18, 20 (евангелисты Матфей и Иоанн).

¹⁵ На заглавном листе евангелия от Матфея мастер ставит придыхание на первой части дифтонга, в заглавном листе евангелия от Иоанна — не только над эпсилонном, но и над альфой (*εὐαγγέλιον*)

ность полностью восстановить превосходную греческую рукопись, иллюстрации которой позволяют поднять еще мало разработанную, но интересную проблему о провинциальных школах Византийской империи. Что касается датировки рукописи, то *terminus ante quem* ясен — не ранее XI в. Однако ряд особенностей в убранстве кодекса позволяет говорить о более поздней дате: широкие, украшенные цветочным орнаментом рамки лицевых миниатюр, увеличенные, покрытые орнаментацией поля в оформлении пролога. Эти новшества появляются в византийской миниатюрной живописи с XII в. Обращение к моделям X — XI вв. также не является исключением для искусства этого столетия. Возможность датировать кодекс XII в. подтверждается и палеографическими данными. В 30-х годах XX столетия американскими палеографами были выработаны некоторые правила для датировки греческих евангелий¹⁶. Правила эти выведены из соотношения унциальных и минускульных букв: η, λ, ε, π. Согласно им, как мне указала Е. Э. Гранстрем, рукопись греч. 210 и принадлежащие к ней листы Смоленского музея следует датировать XII веком. Возможно, такая сравнительно поздняя датировка позволит выявить особенности какого-то провинциального греческого скриптория, сохраняющего ряд консервативных черт и тяготеющего еще к византийскому столичному искусству конца X — начала XI в.

Наша работа отнюдь не имеет целью дать исчерпывающее исследование этой рукописи, но представляет лишь краткую информацию об интересном манускрипте, оставшемся до сих пор разрозненным и безусловно заслуживающем углубленного изучения.

¹⁶ E. C. Colwell. The Four Gospels of Karahissar, v. I. History and Text. Chicago, 1936, p. 225—241.